

Этнология, этнография и антропология

УДК 39(5-11)

DOI 10.37386/2413-4481-2020-1-95-98

Т.М. Аюпов

ТАТАРО-БАШКИРСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

В статье рассматриваются основные этапы и направления эмиграции татар и башкир в Китай, Корею и Японию в первой половине XX в., а также их роль в общественно-политической жизни этих стран.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, революция, мусульманская община, взаимопомощь, «алтайское братство», идеологические разногласия, реиммиграция.

Т.М. Ауиров

TATAR-BASHKIR'S EMIGRATION IN THE NORTHEAST ASIA COUNTRIES

The article describes the main stages and the directions of the Tatars' and the Bashkirs' emigration to China, Korea and Japan in the first half of the 20th century. Their role in social and political life of these countries is considered.

Key words: Northeast Asia, revolution, Muslim community, mutual aid, "Altai brotherhood", ideological disagreements, reimmigration.

История создания татаро-башкирских общин в Китае, Корее и Японии из числа выходцев из бывшей Российской империи весьма интересна и драматична. Их членов по традиции называли «тюрко-татарами», это название и сейчас используется в зарубежной и отчасти отечественной историографии. Термин «тюрко-татарская эмиграция» встречается также в большинстве архивных документов, в том числе из фондов архива ФСБ России. Среди «тюрко-татар» действительно преобладала довольно многочисленная группа близкородственных тюркоязычных народов – поволжские, сибирские и крымские татары. Татарский язык стал официальным языком общения внутри общин, а также языком (наряду с русским) печатных эмигрантских изданий в странах дальневосточного региона. Однако нам все же представляется более приемлемым применение термина «татаро-башкирская» эмиграция. В некоторых общинах лидерами были этнические башкиры и поэтому в названии обязательно должно присутствовать указание на башкирскую составляющую.

Старая китайская этнография и татар, и башкир также относит к одной из шести основных групп

населения – «хуэй» (по-китайски «мусульмане»). К этой общей группе еще относятся уйгуры, казахи, киргизы, узбеки и другие тюркоязычные народы. Однако эта классификация лишь приблизительно соответствует принятой в отечественной этнографической науке лингвистической классификации. В нее же, кроме тюрков, китайские этнографы ошибочно (лишь по религиозному признаку) включали ираноязычных таджиков и дардов, пантай, а также близких китайцам дунган (хуэйцзу) [1, с. 46–47].

В истории татаро-башкирской эмиграции в Северо-Восточную Азию принято выделять 4 основных этапа [2]. Первый этап – «царский» (с начала строительства Китайско-Восточной железной дороги в 1898 г. до Октябрьской революции 1917 г.) – характеризуется активной трудовой миграцией «тюрко-мусульман» в регион, чему предшествовало массовое переселение крестьянства на Дальний Восток начиная с середины XIX в. В 1904 г. в г. Харбин создается первая эмигрантская «мусульманская община» (*махалля*) как форма самоорганизации эмигрантов-мусульман. Махалли создавались по территориальному признаку вокруг квартальной

¹ Статья выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»).

мечети, поэтому «тюрко-мусульмане» предпочитали селиться компактно.

Второй этап – «собственно эмиграции» (с 1918 г. до захвата Японией Маньчжурии в 1931 г.) – характеризуется резким увеличением численности татаро-башкирских эмигрантов, в основном за счет членов семей коммерсантов, работавших на Дальнем Востоке, и военных в составе отступавшей Белой армии. Так, только в частях генерала В.О. Каппеля служило около 2 тысяч башкир. В Китае (в Шанхае, Дайране, Хайларе), Японии (в Токио, Кобе, Нагое, Кумамото) и Корее (в Сеуле, Пусане) шел интенсивный процесс образования из числа вынужденных эмигрантов «мусульманских общин» по типу харбинской. Поскольку среди эмигрантов было много детей, махалли начали создавать национальные школы.

Третий этап – «коллорабионизма» (с образования марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 г. и до окончания Второй мировой войны в 1945 г.) – характеризуется сотрудничеством лидеров диаспоры с японским милитаристским режимом. Тогда была сделана попытка соединить пантюркизм и панисламизм с идеями японского национализма с целью подвигнуть Японию к реализации паназиатской внешней политики. Автором теории «братства» всех народов урало-алтайской языковой семьи, выдвинутой в качестве идеологической основы возможного объединения стран Азии под эгидой Японии, стал башкир М.-Г. Курбангалиев.

Четвертый этап – «послевоенный» (с 1946 г. и до исчезновения эмигрантов в середине 1950-х гг.). Несмотря на концепцию М.-Г. Курбангалиева об «алтайском братстве» и поддержку паназиатской политики Японии, культурологически российским мусульманам западная модель цивилизации все же была в большей степени близка, чем восточная. Поэтому большая их часть не смогла ассимилироваться с близкими «по крови» азиатскими народами, а организованно реиммигрировала в Турцию, Австралию и США (Калифорнию), где основала современные «тюрко-мусульманские» диаспоры.

Члены татаро-башкирских общин, просуществовавших в странах Северо-Восточной Азии с начала 1920-х до середины 1950-х гг., первоначально попадали в Китай несколькими путями. Одна их часть прошла путь от Урала и вместе с остатками колчаковской армии вынуждена была эмигрировать из Забайкалья и Приморья в Маньчжурию. Другая часть оказалась в китайской провинции Синьцзян после разгрома основных сил басмачества в Средней Азии. Позднее эти разрозненные группы и беженцы поодиночке добрались до Харбина, Тяньцзиня и

Шанхая, где смогли объединиться в национально-религиозные общины.

Основной контингент людей, попавших в страны Северо-Восточной Азии в ходе социально-политических катаклизмов первой четверти XX в., составляли достаточно состоятельные и грамотные слои татарского и башкирского населения: национальная интеллигенция, кадровые офицеры, башкирские казаки, традиционалистское мусульманское духовенство. Именно эта часть активных участников революционных событий и Гражданской войны временно оказалась на периферии российской «белой эмиграции», если рассматривать ее как с политической, так и географической точки зрения.

Конечно, главной для всех тюрко-мусульманских эмигрантов из России была проблема социокультурной и психологической адаптации в совершенно новых условиях, в чужой языковой, религиозной и культурной среде. И здесь, по мнению профессора А.Б. Юнусовой, большую роль сыграли мусульманские экономические принципы перераспределения общественного продукта, традиционные для ислама социальные гарантии в отношении членов религиозной общины. Большинство эмигрантов были заняты в сфере розничной торговли. Многие татары и башкиры нанимались мелкими служащими к своим более удачливым соотечественникам, единоверцам. Практически все они встали на ноги, и уже вскоре среди них появились владельцы крупных магазинов, ресторанов, лесопильных фабрик, торговцы пушниной. Добровольные пожертвования на нужды всей общины, исламские нравственные традиции взаимной помощи и поддержки стали залогом успешной социальной адаптации татаро-башкирских эмигрантов [3].

Нельзя не отметить и тот факт, что во главе многих мусульманских общин в Северо-Восточной Азии были имамы и мударисы – выходцы из уездов исторического Башкортостана. Религиозное знание и профессиональная подготовка были получены ими в медресе городов Уфы, Оренбурга и Троицка. Это Мадьяр Шамгулов, Гиниятулла Селиахметов, Хуснутдин Саитгалеев, Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев [3]. Последний даже был известен среди японских и китайских мусульман под почетным прозвищем «Великий имам Дальнего Востока».

Уроженец Челябинского уезда Оренбургской области, он получил хорошее религиозное образование и был кадимистом – сторонником мусульманского традиционализма. В годы Гражданской войны в России служил главным имамом мусульманских воинских подразделений в армии адмирала А.В. Колчака, а затем атамана Г.М. Семенова. В апреле 1920 г. он впервые встретился с представи-

телями японской военной миссии в г. Чите, а вскоре после эмиграции стал экспертом по мусульманским вопросам при КВЖД. В сентябре 1922 г. он послал письмо со своим видением возможностей сотрудничества ряду японских дипломатов, которые сразу высоко оценили потенциал антисоветских настроений мусульманских эмигрантов [2]. М.-Г. Курбангалиев предлагал при поддержке Японии создать исламское государство в Центральной Азии, включив в него китайский Восточный Туркестан. В этой связи интерес к татаро-башкирской эмиграции проявляли и советские спецслужбы. Из мемуаров стало известно, что в 1930-е гг. в Западном Китае по разведывательной работе находился полковник госбезопасности СССР, тоже башкир по национальности Габит Музипов [4, с. 20].

Продолжая поддерживать тесные отношения с русской белоэмиграцией в Маньчжурии, М.-Г. Курбангалиев в 1924 г. переезжает в г. Токио, где быстро становится лидером местной тюрко-мусульманской общины. Именно через имеющиеся связи в Министерстве иностранных дел он знакомится с представителями военных кругов и националистических обществ, разделяющих паназиатские взгляды. После этого началось активное финансирование проектов М.-Г. Курбангалиева в Маньчжурии и деятельности тюрко-мусульманской диаспоры в Японии. В рамках этой поддержки в 1927 г. была создана махалля «Исламия». В том же году махалля открыла мусульманскую школу, а в 1929 г. создала типографию, выпустившую 12 июня 1934 г. первый Коран в Японии. С 1932 по 1939 гг. выходил журнал «Япон мухбири» («Японский вестник»), издание которого спонсировалось военным концерном «Мицубиси». В октябре 1928 г. М.-Г. Курбангалиев избирается президентом Федерации мусульман Японии и проводит Первый Конгресс мусульманских эмигрантов.

Однако, несмотря на благоприятные условия, деятельность Курбангалиева по активизации дальневосточных мусульман была недостаточно эффективной. Не сумев идеологически противостоять своим политическим оппонентам (Г. Исхаки и др.), он предпринял ряд некорректных действий в их отношении, за что в 1938 г. был выслан из Японии в Маньчжурию.

Идейные разногласия в мусульманской эмигрантской среде – предмет отдельного изучения. Как известно, корни этих противоречий возникли еще во время попыток реализации проекта «Идель-Урал» и создания единой Татаро-башкирской республики, в личных разногласиях между лидерами национально-освободительного движения. «Пolemика З. Валиди Тогана с Садри Максуди и Гаязом

Исхаки по татаро-башкирскому вопросу, – пишет историк А. Юлдашбаев, – продолжалась до конца их жизни и осталась в наследство нашему поколению».

После возобновления японской агрессии в Китае в 1937 г. многие из харбинских «тюрко-татар» переехали в г. Шанхай. Дело в том, что власти марионеточного государства Маньчжоу-Го рассчитывали на мобилизацию эмигрантской молодежи в свою армию для борьбы с СССР. Татаро-башкирская колония из Харбина поодиночке начала перемещаться в г. Шанхай, где можно было рассчитывать на поддержку соплеменников и помощь англо-американо-французских союзников.

Но японские оккупационные власти и не думали отказываться от своих планов. В Маньчжурии при штабе Квантунской армии был создан военизированный отряд «Асано» (названный по имени полковника) с привлечением татаро-башкирской эмиграции. Это заставило их местную общину всерьез задуматься о своем будущем. Люди, а в особенности молодежь, стремясь получить надежную правовую защиту, хотели стать гражданами одного из стабильных государств мира. Многие стали рассматривать для переезда Турцию, США и Австралию.

Видимо по той же причине в далекой Австралии обосновались родственники делегата V Всемирного курултая башкир от Кемеровской области Миляуши Паниной. По семейным преданиям Исянбаевых (родственники со стороны матери), до Октябрьской революции они работали у золотопромышленника З. Рамеева. В годы Гражданской войны некоторые из них эмигрировали через Восточный Туркестан в Китай, а оттуда – в Австралию (по слухам прихватив с собой 2 повозки с золотым песком). В 1970-х годах кто-то из них даже приезжал в Башкирию навестить свою малую родину – д. Ишмухаметово в Хайбуллинском районе [5].

Таким образом, во время Второй мировой войны произошел окончательный раскол российской политической эмиграции. Одна часть эмигрантов продолжала оставаться на непримиримых позициях по отношению к СССР, другая же – решительно отмежевалась от первых, испытывая сострадание и чувство вины перед Родиной. Ободренная успехами Красной Армии, победами СССР в Великой Отечественной войне и советско-японском конфликте, эта часть эмигрантов заявила о своем желании вернуться домой. Их стали называть «возвращенцами».

В Казахстане в г. Акмолинске так, например, оказались молодые супруги Абдулла Мигранов и Казуко Окуваки. Он – наполовину башкир, наполовину русский, чья семья попала в Китай после разгрома белогвардейцев. Она – чистокровная японка, ее отец-железнодорожник оказался на оккупи-

рованной территории по долгу службы. В 1955 г. из г. Харбина они отправились на целину вместе с шестилетней дочерью Нажией [6].

Большую же часть возвращенцев ждали репрессии, лагеря и ссылка. Сам М.-Г. Курбангалиев в августе 1945 г. был арестован сотрудниками советской контрразведки и после десятилетнего заключения в тюрьме поселился в г. Челябинске. Там до конца жизни он исполнял обязанности муллы [7, с. 358]. Власти запретили ему выехать в Японию, где у него остались жена, сын и две дочери. Примечательно, что японское правительство неоднократно пыталось вызволить его из советского плена, в том числе в 1955 г., включив в список как одного из первых возвращаемых военнопленных.

Обе дочери Курбангалиева вышли замуж за турецких граждан, работников посольства Турции в Токио. Вся его семья приняла турецкое гражданство, так и не дождавшись возвращения мужа и отца. Хотя какой-то из его потомков – Мухаммад-Асхад – в 2002 г. специально приезжал из Японии в г. Уфу чтобы принять участие в работе II Всемирного курултая башкир [8, с. 50].

Даже те из эмигрантов, кто колебался в своем политическом выборе, хорошо осознавали, что война

стала рубежом, определяющим их будущее. «Тогда из Шанхая многие не хотели уезжать, – вспоминают эмигранты в США. – Но в Китае началась Гражданская война, после взятия Нанкина китайскими коммунистическими войсками стало ясно: надо уезжать, другого выхода нет. Многие, кто вынужден был отправиться в дальние страны, не соглашались признать власть компартии, ведь они были воспитаны в духе антикоммунизма».

В настоящее время большая часть татар и башкир, не покинувших регион, сосредоточена в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Здесь, по некоторым данным, их проживает до 5 тыс. человек. По свидетельству дочери А.-З. Валиди Исенбике Тоган, крупного ученого-синолога, во время посещения г. Турфана в 1990 г. она встретила с одним из потомков башкир, осевших там после 1920 г. [9, с. 103–104].

История российской эмиграции в Северо-Восточной Азии в целом – одно из самых разработанных направлений в отечественной исторической науке. Однако история отдельно татаро-башкирской диаспоры еще требует своего дальнейшего изучения. На многие вопросы пока не получено ответа. При этом очевидно, что сегодня протекает новый, пятый период в ее истории.

Библиографический список

1. Китай: энциклопедия / под ред. А. И. Ревина. М.: Большая советская энциклопедия, 1954.
2. Усманова Л. Р. В поисках национальной идентичности (тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии) // Диаспоры. 2005. №2. С. 6–39.
3. Юнусова А. Б. Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: Мусульманский фактор социальной адаптации и сохранения этнокультурной идентичности. URL https://studylib.ru/doc/2323290/yunusova-a.b.-tataro-musul._manskaaya-e-migraciya-na-dal._nem (дата обращения: 07.02.2020 г.).
4. Малородов Б. Я., Шаяхметов Н. Ш. Несокрушимая и легендарная 112-я. Уфа: Восточная печать, 2014. 312 с.
5. Полевые материалы автора. Россия, Кемеровская область, г. Междуреченск, ноябрь 2019 г. (информант: Панина М.И., 44 года, башкирка, продавец в магазине).
6. Баронова Г. Жизнь и любовь Окуваки сан – дочери самурая. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1246947480> (дата обращения: 07.02.2020).
7. Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. 672 с.
8. Второй Всемирный курултай башкир. Документальные материалы. Стенографический отчет. Уфа: Китап, 2002. 840 с.
9. Салихов А. Г. Некоторые материалы о пребывании башкир в Китае // Исторические и историко-культурные связи башкир с народами стран ШОС и БРИКС: сборник статей. Уфа, 2015. С. 101–107.